

Земле земное. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Земле земное. Фёдор Сологуб

I

Сашу Кораблева, ученика городского училища, перевели в следующий класс без экзамена и даже с похвальным листом. Это его, конечно, обрадовало. И все остальное в его жизни было в это время хорошо. Не было никакой причины грустить. И о чем грустить?

Он жил со своим отцом, – мать умерла давно, он ее мало помнил. Жил он в отцовом доме, на своей родине, в небольшом городке, на окраине. Здесь Саша и родился. Дом небольшой, с огородом и садом, где много ягодных кустов и фруктовых деревьев. Недалеко, через реку, поля и лес. Отец небогат, но в доме достаток: отец – частный поверенный, дела есть, и есть скопленный для чего-то запас денег.

В жизни все было хорошо, – и солнце радовало, и зелень манила, – а собою Саша все чаще бывал недоволен. Почему, – он не знал, не мог понять, и все чаще томился.

И чем это началось? Кажется, сущими пустяками.

Отец не пошел на училищный акт, где Сашу наградили, – пришлось идти в суд. Саша нес домой свой похвальный лист, очень торопился, чувствовал себя счастливым победителем, и ему так хотелось, чтобы отец был дома.

Оказалось, что отец уже вернулся из суда. Он сидел на балконе, курил папиросу и задумчиво смотрел через золотые очки куда-то вдаль, откуда приходят смутные, неуловимые мысли. Он услышал на дорожках в саду Сашины шаги, почему-то припомнил вдруг свою ссору с одним из Сашиных учителей и стал ждать, что скажет Саша, – отомстили ему учителя или нет. И сейчас же опять подумал, что это – вздор, что учителя не решатся мстить сыну за отца: и совестно, и побоятся, что отец как законник затеет кляузу, станет жаловаться. Ему стало неловко и досадно. А уже Саша бежал к нему, румяный, веселый, и махал свернутым в трубочку похвальным листом.

Саша взбежал по ступенькам на балкон и крикнул звонко:

– С похвальным листом!

И его веселый крик нарушил привычную в этом доме тишину. Саша горел восторгом. От его звонкого голоса у отца сильнее заболела голова, но и теперь, как всегда, он скрыл это.

– Покажи, покажи, – ласково сказал он, медленными, как бы утомленными движениями поглаживая рыжую бороду. Легкая усмешка едва обозначилась под его густыми червонными усами.

Саша ловким движением проворных рук рахвернул лист, который при этом шуршал, словно сделанный из тонкого железа.

– Все пятки, даже четверок мало, – радостно говорил Саша.

– Молодец, отличился на славу, – сказал отец, устало и задумчиво рассматривая отметки.

– Что ж, ведь я все знаю, что проходили, – так же радостно, но уже не так громко сказал Саша.

Что-то в отцовых словах и в отцовом лице уже начинало охлаждать его, а что именно, еще он не осмыслил.

– Что ж, на стенку повесишь? – спросил отец.

Саша засмеялся, но как-то неуверенно.

Земле земное. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

- Зачем на стенку! - смущенно сказал он, - уберу в сундучок.

- А никто и не увидит, - посмеиваясь говорил отец.

- Ну вот, покажу, кому надо.

- Как не показать, - люди похвалят, - сказал отец тихо.

- А ты? - спросил мальчик.

- За показ-то?

- Да нет.

Отец обнял сына за плечи и поцеловал его в щеку.

- Славный ты у меня, - сказал он.

Нежная ласка звучала в его голосе. Саша почувствовал, как минутная неуверенность проходит быстро и как будто бесследно, - ему опять становилось радостно, и он весело засмеялся, беспричинно, неудержимо.

Отец смотрел на него, легонько улыбаясь, но мысли его были почему-то нерадостны.

Здоровый и веселый мальчик, Саша иногда казался недолговечным, - не жилец на белом свете, как говорят в народе. Что-то темное и вечно нерадостное в Сашиних глазах наводило иногда отца на грустные мысли. И когда он смотрел печально вдаль, перед ним возникала иногда в воображении рядом с жениною могилой другая, свежая насыпь.

II

За день Саша набегался, наигрался. Пришел вечер. Заря играла на небе и, утомленная, радостно умирала. Саша сидел на скамеечке в своем саду, усталый, смотрел на румяные заревые улыбки, на струйки, целовавшие речной берег, на синие кисти мышиного горошка, прижавшегося к забору, - и припоминал утро и свое торжество. Ему и нетрудно было отличиться, - совсем почти без труда все давалось, и времени мало уходило на приготовление уроков, так что Саша успел за свою короткую пока жизнь, и кроме учебников, прочитать много всяких книжек.

На похвальном листе надпись: "За отличные успехи и благонравие". Странное слово - благонравие.

"Значит, - думал Саша, - у меня благой, добрый нрав, то есть я хороший мальчик".

Саша улыбался, но ему стало стыдно и неловко, что он признан благонравным.

А вдруг бы давали похвальные листы за честность, за доброту!

Нельзя. Честность бескорытна. Если за добро - награда, то уж что это за добро!

А как же рай? Ведь это - награда. В раю будет приятно. А грешников праведники не пожалеют? Но ведь грешники завоют в огне. Только знать это, и можно ли блаженствовать?

А ведь он, Саша, блаженствует, а грешники-то, оставленные на второй год. Иные тоже воют: дома побили, - и больно, и стыдно.

Саша смотрел в сгущающуюся темноту. Было тихо, и все имело такое выражение, точно сейчас придет кто-то и что-то скажет. Но никого не было. Только влажные ветки, шелестя, вздрагивали, да ночная птица далеко, из-за леса, кричала о чем-то своем, лесном и жадном.

И стало уже так, словно все предметы закрыли глаза и успокоились. Только небо смотрело неотступно и пристально. Но оно было далекое, и не слышно было от этих звезд ни единого звука.

Саша тихо пошел домой, горячими щеками задевая влажные ветки на кустарниках.

Земле земное. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Как-то странно и томительно горело его сердце.

III

Уже стало темно. В Сашиной спальне копошилась Лепестинья, – постлала Саше постель, прибирала что-то. Она была старая-престарая, согбенная и морщинистая, никогда не улыбалась и всегда понимала, что думал Саша, хотя бы он и не сумел ей хорошо сказать о том. Недаром она вынянчила его. Ее движения были тихи, поступь бесшумна.

Саша раздевался.

– Помолись, Саша, – сказала Лепестинья.

– Да я не знаю, Лепестиньюшка, о чем молиться, – лениво ответил Саша.

Ему хотелось спать, и не было никаких земных мыслей и желаний.

– За отца помолись, за себя, – говорила Лепестинья неторопливо и шамкая.

– А чего молиться? – спросил Саша.

– Да уж Бог сам знает. Ты только стань к нему. Он сам к тебе приклонится.

Саша встал на колени перед образом. Слова из молитв не вспоминались, и ничего не хотелось просить, – но он чувствовал в себе что-то нежное и отдающееся, и ему казалось, что бессловная и бездумная молитва рождается в его расстроганной душе.

Что-то вдруг развлекло, – шум какой-то, – ветер повеял, и ветка задела за стекло в открытом окне. Молитвенное настроение вдруг исчезло, – но жаль было его. Саша стал повторять молитвы на память, – но от этого повторения чужих, заученных для классной отметки слов стало неловко и совестно. Он перекрестился и поднялся.

Скоро он улегся – и вдруг почувствовал, что не хочет спать. Лепестинья собралась уходить. Он окликнул ее.

– Что ты, касатик? – прошамкала старуха, остановясь на пороге.

Саша заговорил тихонько и нежно:

– Скажи, Лепестинья, отчего это звезды смотрят на землю, да таково-то печально.

Лепестинья подошла к окну и посмотрела на темное небо и на ясные звезды.

– Звезды смотрят? – раздумчиво повторила она. – Бог, видно, так им дал. Смотрят, – а ты не смотри, спи себе.

– Я бы, Лепестиньюшка, не смотрел, – глаза сами смотрят.

Лепестинья приблизилась к Саше и, подперши рукою щеку, тихонько проговорила, любовно глядя на него:

– Спи, батюшка, спи с богом. Закройся, глазок, закройся, другой.

Саша, улыбаясь, закрыл сперва один глаз, потом и другой. Но Лепестинья ушла, а глаза у Саши открылись и упрямо хотели глядеть в темноту, которая обступала со всех сторон и словно таила что-то, чего никакими глазами не вымотришь, – а уж Сашины ли глаза не зорки!

И отчего в этой темноте и в этой тишине так много звуков, тихих, еле слышных, но ясных? Откуда они?

Саша долго смотрел в темноту. Мысли его были смутные, неопределенные. Уже совсем рассветало, когда он незаметно для себя заснул, истомленный бессонною ночью, напрасными думами.

IV

Лютое солнце стояло в самом притине. Оно, словно громадный свернувшийся огненный змей, казалось, вздрагивало всеми своими тесно сжатыми кольцами. Саша лежал босой в траве на берегу, под ивою, лицом кверху, раскинув руки, спасаясь в тени от знойной истома. Рядом с ним валялась камышовая жалея, которую он сам себе сделал.

Жужжали пчелы. С тихим шелестом около веток колебался жаркий воздух. День протекал беспощадный, торжественный. Это яркое великолепие дневное наводило на Сашу тоску, смутную и почти приятную. Чаровала полдневная тишина, - в ее величавом обаянии еще отчетливее и яснее обычного становились для зоркого и чуткого Саши все впечатления, - легчайшие звуки, тончайшие переходы в освещении. Когда легкий поднимался ветерок, Саша слышал, как поскрипывала, поворачиваясь на ржавом стержне, вертящая пренюка на крыше железный ветрочуй-петух.

За рекою раскидывались поля, широкие, замкнутые далекою, непонятною чертою, - и за нею тревожно подозревались новые неведомые дали. Между колосьев по дороге поднимались и плясали иногда серые вихри. В зеленовато-золотистом колыхании колосьев Саша чувствовал соответствие с тем, что двигалось и жило в нем самом земною, мимолетно-зыблемою жизнью. Значительно и строго было выражение полей и всей природы, - хотелось разгадать, чего она хочет и к чему она вся, - но трудно было и думать об этом. Промелькнет неясная мысль - и погаснет, - и Саша опять в тягостном, томном недоумении. И он думал тогда, что злая, коварная природа какими-то чарами отводит его от познания о своей тайне, чтобы таиться и лукавить по-прежнему. И как рассеять эти чары? Как понять эту чудную и родную жизнь?

Саша повернулся на живот и лег лицом к земле. В траве кишел перед ним целый мир - былинки жили и дышали, жучки бегали, сверкали разноцветными спинками, шелестели еле слышно. Саша ближе приник к земле, почти прилег к ней ухом. Тихие шорохи доносились до него. Трава вся легонько, по-змеиному, шелестела. От движения испаряющейся влаги шуршал порою оседавший земляной комочек. Какие-то струйки тихо звенели под землею.

Лепестинья пришла погреться на солнце. Кряхтя, она опустилась на траву рядом с Сашею. Саша ласково посмотрел на нее черными вопрошающими глазами. Лепестинья захватила горсть земли сухими руками, и уже Саша знал, что сейчас Лепестинья станет любовно растирать землю и тихо забормочет:

- Земля еси и в землю отыдеши.

И Саша легонько улыбался, услышав эти знакомые, страшные кому-то, но не им обоим слова.

- Ох, Сашенька, стара я стала, - сказала старуха, - уж и солнце от меня отвертывается, греть меня, старую, не хочет.

Саша с удивлением, внимательно посмотрел на Лепестинью и сказал нежным, звенящим голосом:

- А вот ко мне, Лепестинюшка, так все поворачивается, - точно смотрит на меня, - и трава, и кусты, - все, что далеко, что близко, все. Вон там, видишь, на том берегу серый камень, и тот на меня уставился.

- Да тебе примстилось, поди, - опасливо сказала старуха.

- Нет, Лепестинюшка, - весело ответил Саша, - мне никогда ничего не кажется. А только так все ясно да странно как-то. Так вот и вижу, что хоть глаз там и нет, а смотреть - смотрит.

- Безглазая засматривается, - шамкала старуха. - Поберегайся, голубчик: приглянулся ты ей, курносой.

Она сидела на траве, охватив колени морщинистыми, коричневыми руками. Ее слезящиеся глаза тупо смотрели куда-то прямо и далеко. Дряхлое лицо ее не выражало ни удивления, ни сомнения.

- Ну да, безглазая. Тоже выдумашь, - тихо сказал Саша и подумал немного. - А почему? - вдруг спросил он.

Приглянулся-то почему? – переспросила Лепестинья. Глаза, вишь ты, у тебя, – глаза нехорошие.

– А чем, нянечка, нехорошие? – ласково спросил Саша.

– Глаза-то у тебя смотрят, куда не надо, видят, что негоже. Что закрыто, на то негоже смотреть. Курносая не любит, кто за ей подсматривает. Поберегайся, миленький, как бы она тебя не призарила.

– Да разве я за ней, нянечка, подсматриваю? – еще ласковее промолвил Саша, и чистый, как подснежный ручей, голос его звенел нежно и сладко.

– Везде она, голубь мой, все она, – и в травке, и в речке, – медленно и уныло говорила старуха. – Ты идешь, – и она тут же ползет, травку сломит, козявку задавит. Негоже смотреть много, не любит она.

– Так как же быть-то, миленькая нянечка, коли глаза сами смотрят? спросил Саша, улыбаясь, глядя на старуху неотступно-вопрошающими глазами.

– Что поделаешь, голубчик! Такие уж, видно, тебе глаза Бог дал, ничего не поделаешь, жаленный, – ты ими и не хочешь, да видишь.

Саша закрыл глаза. Он думал, что умрет скоро и будет лежать в земле и тлеть. Но не страшило его, что лежать ему в родной земле. Он любил землю. Любил уходить подальше в поле, быть в одиночестве, прикинуться к земле, слушать ее шорохи и шепоты. Любил ходить босыми ногами, чтобы чувствовать землю ближе.

Саша сел, взял в руки жалею и принялся дудеть в нее. Полились нежные, жалобные звуки. Рождались грустные, томительные мысли.

Вот пришел товарищ с удочкою. Мальчики побежали к реке, радостно разговаривая о рыбах. Оба они залезли в воду удить, – и холодное плескание о голые колени отогнало непосильные, печальные думы.

Река была тихая, вся гладкая да ясная на солнце. Но маленькие струйки тревожно звучали, ударяясь о берег, и рыбки порою тревожно плескались, а река стремилась медленно и неуклонно. Серовато-зеленый тростник колыхался в воде у берега, и по высоким стеблям его пробежал порою сухой, слабый шум.

Мальчики долго шалили и плескались на реке. Среди веселых забав Саша вдруг приумолк, засмотрелся на воду. Он вышел на берег, присел на камень и сказал медленно и задумчиво:

– Вода-то, – все течет.

– Ну так что ж, – спросил его товарищ, белоголовый мальчуган с пухлым, простодушным лицом.

– Чудно! – сказал Саша.

– Чего чудно? Как же ей не течь, коли она в реке? – ответил белоголовый мальчишка и засмеялся Сашиним словам.

Саша вздохнул, посмотрел на товарища и спросил:

– А ты слушал, как трава растет?

Белоголовый мальчишка разинул рот.

– Нет, – отвечал он.

– А говорят, что можно слышать, – сказал Саша.

– Ишь ты!

У

Рано поутру Саша с отцом отправились на мамину могилу. Они тихо разговаривали по

дороге, а светлое и равнодушное обливало их солнце еще не жарким светом.

Отец рассказывал о покойнице. Саша любил слушать эти рассказы и смотреть на затуманенное печалью отцово лицо да на его усталые, далеко устремленные глаза.

На кладбище в этот ранний час было хорошо. Посетители еще не пришли, кладбище дремало, как успокоенная роща в стране безлюдной и мирной. Только птицы чирикали, да ветки шептались. Но эти нежные звуки не нарушали светлой тишины.

Саша с отцом сели на зеленую скамеечку перед маминою могилою. могила зеленела и цвела. Саше стало грустно, что мертвые не встают и не являются. Если бы милая мама пришла! Но нет, – разлука навеки. Напрасно ждать и молиться.

– Знаешь, папа, чего я хотел бы? – тихо спросил Саша.

Отец молча посмотрел на него.

– Мне, знаешь, хотелось бы повидать мамочку, – продолжал Саша. – Право, хоть один бы только раз.

Отец грустно улыбнулся.

– Как же ее увидеть? – спросил он. – Во сне разве.

– Хоть бы только показалась, хоть бы на самую маленькую минутку, тоскливо говорил Саша.

– Мертвые к нам не ходят, – печально сказал отец. – Да и мы их боимся.

Саша подумал: неужели он испугался бы милой мамочки? Нет, уж если он и чужих покойников не боится, так как же родной-то испугаться!

А ведь в могиле она истлела и вся теперь черная, мягкая, как земля.

Саша внимательно смотрел перед собою темными и зоркими глазами и не видел ничего, кроме насквозь озаренного воздуха, травы и деревьев, могил и кустов, бесконечного множества листьев, былинки, мошек, всяких предметов, ненужных и докучных. Не было только того, что мило и дорого Сашину сердцу, не было Сашиной мамочки, молодой, веселой, но навсегда оставившей этот солнечный, яркий, внешний мир.

Отец встал.

– Пора домой, – сказал он.

Саше грустно было оставлять мамину могилу. Все на свете кончается.

VI

Вечером Саша с отцом долго сидели в столовой. Одинаковое настроение, сумеречное, беспричинно печальное, – беспричинно и потому неотразимо, осенило их обоих. Оба они смотрели на мамин портрет, – большую фотографию в черной с золотом раме на стене. Саша сказал:

– Хоть бы мамочка только мимо прошла, – хоть бы там, за дверьми.

Отец печально посмотрел на Сашу, потом перевел глаза на дверь и сказал:

– Пройди она за тобою – испугаешься.

Саша оглянулся. Из двери была видна темная прихожая. Никто не стоял там. Саша вздохнул и сказал:

– А ничуть не испугаюсь.

– Уверен? – строго спросил отец.

– Правда, ничуть не испугаюсь, – повторил Саша.

- Не хвались, - сказал отец и замолчал.

Саша задумался. Он не помнил в своей жизни страха. И теперь, как он в уме ни испытывал себя, он не мог допустить, что испугается загробного мамина появления. Но Саше казалось, что отец смотрит на него с неудовольствием, - и Саша старался убедить себя в том, что отец прав: он привык верить отцу. Смелость, которую Саша знал в себе, - не была ли она только боязнь показаться перед людьми трусом? И хотя Саша уверен был в том, что нет в душе его страха, он все же решился испытать себя.

VII

Саша лежал в постели, но не спал, - прислушивался к звукам в доме и ждал. В тихом всегда доме ночные звуки раздавались особенно ясно. За несколько горниц слышались отцовы шаги, потом заскрипела его кровать. Лепестинья ходила, тихонько шлепая туфлями. Беспреданно возникали и уничтожались какие-то легкие, непонятные шумы. Перед образом слабо мерцал елейник. Тени беззвучно, еле заметные, двигались по стенам.

Наконец и Лепестинья уgomонилась. Стало совсем тихо. Ночь, летняя, полупрозрачная, достигла самой темной поры. Саша поднялся с постели, оделся и выскочил из окна в сад. Ночная свежесть охватила его. Обильная роса мочила Сашины ноги. Сразу стало холодно, захотелось вернуться, заснуть. Но Саша пошел вперед. У калитки он немного постоял, подумал, потом решился и вышел на дорогу.

Поля за рекою туманились. Река покрылась легкой дымкою. Дорога была жесткая и влажная. Мелкие камешки на ней ясно ощущались босыми Сашиными ногами.

Саша спустился к броду. Теплая вода нежно обняла колени. Река всю шириную двигалась, и трудно было идти прямо, - ноги стали такими легкими, шаткими, и на каждом шагу вода, ясно и весело звуча, тихонько, но сильно плескалась о колени. Когда Саша подходил к берегу, стало жаль, что вода падает все ниже, что слабеют ее теплые, нежные прикосновения. Окунуться бы совсем, - славно! Но некогда, - завтра. И Саша вышел на берег.

Саша медленно шел по дороге, вдоль реки, озирался вокруг и ждал, когда будет страшное. Но он чувствовал в себе только ночную истому да любопытство, да ожидающее волнение, вовсе, впрочем, не похожее на страх. Ощущения были бодрь, как всегда.

Белая ночь делала все полуявственным: ничего не могла она закрыть от взора, ни близкого, ни дальнего, но и осветить ничего не могла своим небом, бледным, тихим, без луны и без звезд. Мир полуявлялся в дремоте сквозь эту бессильную ночь. Река под легким туманом томилась, и слабо вздыхала в камышах, и слезливо плескалась о песчаный берег.

Здесь, в этом окутанном ночью полупрозрачною тьмою поле, было то же, как днем, - так же все было обращено к Саше, все представало перед ним, но не давало знать о том, что есть за этою видимостью. Деревья стояли неподвижные, с длинными, тонкими ветками. В их видимой упругости сказывалась неведомая жизнь, непреклонная воля. Но не понять было, чего же они хотят и как живут.

Дорога, с редкими, тонкими березками по краям, повышалась едва заметно и отдалялась от реки. Земля при дороге, сырая, теплая, ласково прикасалась к Сашиным ногам. Свежий воздух веселым холодом обнимал тело. Широкая Сашина грудь радостно дышала. Радость была в теле, и печаль в душе.

Скоро вдали забелела кладбищенская ограда.

То чувство, которое испытывал теперь Саша, все более разочаровывало его. Он ждал страха, да уже и хотел его, что дальше, то сильнее, - и напрасно: страха не было. Светлая ночь молчала, как будто думала о чем-то, и, чуждая Саше, не хотела пугать его.

Странно было, что так светло, и безлюдно, и тихо, - ночное чувство, несравнимое ни с чем дневным. Ни тоскливо, ни жутко, - только в душе безмолвный вопрос, безмерное удивление. Влажная трава, бледное небо, - все словно ждало чего-то, и

Земле земное. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
утомилось ждать, и дремлет. Неразумная дева, заждавшаяся жениха. И он при
дверях, и медлит.

Вот перекресток. Издали, пока другую дорогу заслоняли кусты, можно было думать,
что там, за ними, что-то есть. Но когда Саша подошел, он увидел, что все пусто,
никто не движется ни по той, ни по этой дороге. Ни люди, ни духи не ждут здесь
условленных встреч.

Саша стал на перекрестке и крикнул:

- Приди!

Голос его прозвучал звонко и дерзко, - и все вокруг удивительно молчало. И Саша
сказал:

- Если ты есть, явись!

Полуявственно и неподвижно лежало близкое и далекое, - все, обращенное к Саше. И
не являлся никто иной.

Саша постоял, посмотрел вокруг в напрасном ожидании и пошел к ограде.
Нетерпеливое ожидание страха усиливалось.

Ворота, через которые возили покойников, были совсем такие же, как и в городе, в
обыкновенных заборах. Они покойно и бессмысленно показывали Саше свою решетчатую
зеленую поверхность.

Саша подошел к калитке и толкнул ее. За нею слабо звякнул замок. Тогда Саша
полез чкрез невысокую стену, белую, холодную, и спрыгнул в мягкую траву на
кладбище.

За оградою все стало иным, тесным, близким, но столь же простым и загадочным.
Кусты темнели. Белая церковь с зеленою кровлею смотрела темными окнами, как
незрячими глазами. Саша внимательно прислушивался в тишине, чтобы различить хоть
какой-нибудь звук, - но слышал только, как бьется его сердце, как трепещут жилки
на висках и у запястий.

И где же страх? Саша проходил между крестами и могилами, между кустами и
деревьями. Под землею, он знал, лежали, истлевая, покойники: что ни крест, то
внизу, под могильною насыпью, труп, зловонный, отвратительный. Но где же страх?

Все предметы были дивные, как призраки, а призраки не являлись. Неподвижные
кресты не таили за собою белых колеблющихся фигур, простирающих руки.

Потому ли нет страха, что нет призраков?

И почувствовал Саша, что эта немая, загадочная природа была бы для него страшнее
замогильных призраков, если бы в нем был страх.

Не думая о том, куда идет, Саша привычною дорогою добрался до маминой могилы.
Тишина и тайна осеняли ее. Вот смерть. И что она? Мама лежит, вся истлевшая. Но
что же это, и как?

Саша сидел на могиле неподвижно и грустно, обхватив руками белый крест,
прижимаясь к нему щекою. Он терпеливо ждал, маленький, словно потерянный среди
крестов и могил. Его лицо бледнело, глаза, темные и печальные, неотступно
глядели в прозрачную полутьму.

И он дождался. На неуловимо-краткое время сладостный, нежный восторг овладел им.
Настала неизъяснимая полнота в чувствах, словно пришла утешительница и низвела с
собою рай. Бледный, с сияющею, радостною улыбкою на губах, Саша еще ближе приник
к белому кресту и широкими черными глазами смотрел перед собою, мимо померкшего
для него мира.

И отошло это, - и опять надвинулись докучные явления.

Высокая радость забылась, едва отгорев: то было чувство неземное и не для земли.
Душа же у человека земная, узкая, и Саша был еще во власти у земли.

Заря занималась. Церковь розовела и погружалась в земной сон, – вечный, непробудный.

Саша встал. Церковь и кресты пошатнулись. Саша понял, что это он сам покачивается от усталости, потому что не спал всю ночь.

VIII

Саша возвращался домой, дивясь и грустя. Глаза тяжелели. Кровь тяжело обращалась в жилах. Земля под ногами лежала холодная, жесткая. Влажный воздух томил своим холодом.

Вода тепло и нежно обняла его ноги, – но уже Саша торопился домой: уже светало быстро.

Саше не хотелось, чтобы его дома увидели, хотя он не думал таиться. Все равно, он сам расскажет отцу, – но только бы теперь не говорить ни с кем и ни о чем.

Ему удалось пробраться незамеченным, прямо в окно, потому что на крыльце уже стояла Лепестинья и молилась на кресты над городскими соборами. В мягком утреннем свете она казалась совсем старою и дряхлою.

– Епистимия – знающая, – вспомнил Саша вычитанное из календаря значение старухино имени, – а вот не знает, где я ходил всю ночь.

Ему стало весело, что он прячется от Лепестиньи, когда это вовсе не надо, да смешно еще на то, что здесь невольная радость от избегнутых опасностей и страхов овладела им.

Он улегся и скоро заснул. Тревожный сон снился ему. Багровое зарево пылало за окном. Над городом гудел набат. Сначала только и было слышно, что этот жалобный звон, да еще тихий, далекий треск, – точно дрова в печке. Потом послышались пугливые голоса, сперва одиночные. Пробегали мимо, кричали что-то. Суматоха поднялась близко, – и вдруг все забегали и закричали, и от этого Саша проснулся. Сердце сильно билось. Но везде было тихо, ясно и светло. Солнце радостно, по-утреннему смотрело в окно.

Саша повернулся к стене, натянул повыше одеяло, чтобы свет не мешал, и сейчас же опять заснул. Снова ему приснилось то же о пожаре. Снова под его окнами забегали и закричали испуганные люди. Саша вскочил, торопливо оделся и побежал на пожар.

Сердце у него торопливо сжималось. Он знал, что надо спешить, спасти кого-то.

Ярко и весело пылал деревянный дом. Кругом суетились люди. Горело красиво и нисколько не страшно. Близко не подойти было, – жарко. Левая половина еще не горела, и там только из-под крыши струйками выбегал черный дым. Бледная женщина рыдала и металась в толпе. В дому остался ее ребенок. Дюжие краснощекие парни равнодушно глядели на несчастную мать. Она кидалась то к одному, то к другому. Бросилась было и к Саше, да увидела, что это еще мальчик, и метнулась дальше. Неясное, но повелительное чувство бросило Сашу вперед. Какие-то доски лежали под ногами, Саша через них перепрыгнул. Вот и крыльцо. Саша с усилием открыл дверь. Его обдало густым дымом.

– Назад, назад! – испуганным голосом кричал ему кто-то с улицы.

Саша прикрыл лицо локтями и бросился в дверь. Струя воды обдала его сзади. Справа и слева, близко, мелькали огненные язычки. Голова кружилась, от жары, от дымного воздуха, но Саша чувствовал себя сильным и смелым. Горницы застлал густой дым, – только внизу, около пола, дыма еще было мало. Саша нагнулся и касался руками пола, чтобы не задохнуться в дыму.

Вот горница, где посветлее. Дым разорванными клочьями клубился под потолком и вытекал из окна. У стены стояла люлька. В ней спал ребенок. Люлька слегка дымилась, откуда-то снизу. На потолке узкою полоскою вспыхнул огонь. Ребенок улыбался во сне. Он был бледен. На его лице лежала серая копоть. Саша выхватил его из люльки, завернул в одеяльце и подбежал с ним к окну. Что-то мешало, – какие-то доски и бревна наклонялись сверху и с боков; дым, вытекавший на улицу,

не давал ничего видеть из окна. Саша просунул ребенка в узкое отверстие и бросил его на улицу.

"А как же я?" – мелькнула быстрая мысль.

Саша глянул вверх. Плавающая балка свешивалась над окном, обдавала нестерпимым жаром, трещала и сыпала искры. Саша опустил голову. Сердце сжалось. Что-то тяжелое надавило на спину и заставило нагнуться. Лбом Саша больно ударился о подоконник. Дым сгущался, мешал дышать, душил...

Саша проснулся, задыхаясь. Он лежал, согнувшись, закрывая голову и рот одеялом, – и от этого так трудно дышалось.

Саша поспешно отбросил одеяло. Дыхание стало свободно, – и Саша обрадовался тому, что теперь легко, что он жив и дома, а не задыхается в горьком дыму.

В памяти ярко повторялся сон и все его волнения. Вдруг Саша вспомнил, что и раньше он не раз мечтал, как спасет ребенка из пожара, и о других подвигах. Сон повторил мечту.

"Во сне только и спасать!" – подумал Саша.

Он лежал на спине, усмехался слегка насмешливо и нежно, прислушивался к тишине и неопределенно ждал чего-то. Длинные черные ресницы осеняли полузакрытые глаза, – темные, земные. Воспоминания и мечты стали смешиваться в дремоте. Яркие облики проплыли перед глазами, темные, огромные глаза глянули, – закружились, осыпаясь, золотые одуванчики и погасли. Саша опять заснул.

Приснилось, что он в гробу, неподвижный и мертвый. Он погиб на пожаре, – и вот люди вытащили из-под развалин обгорелое тело и хоронили его. Доносилось сладостное пение. Много пришло народу, – Саша слышал это по сдержанному говору, по тихому плачу. Хвалебные слова в толпе радовали Сашу. Особенно хвалили и нежно плакали девушки, и, должно быть, их-то и было больше всех.

Подняли гроб и понесли с плачем и пением. Саша плавно покачивался, как в люльке. Веял легкий ветер. Солнце светило прямо в лицо, грело глаза сквозь сомкнутые веки, но не жгло, – оно было нежное, как будто светило из рая. Приятно и томно было лежать качаться.

Потом Саша увидел себя отдельно, откуда-то сверху. Гроб был маленький и весь осыпан цветами, простыми и милыми, ромашкою, просвирниками, лютиками. Несли, чередуясь, юноши и прекрасные девицы, и толпа теснилась вокруг, мережа нарядами, платьями на барышнях. У всех в руках и на одежде были цветы. Отец шел за гробом, поглаживал свою червонную бороду и недоверчиво улыбался, а на глазах его под очками блестели слезинки: одному только Саше сверху они и были видны. Впереди шли певчие и пели что-то сладостное и печальное, и такое нежное, чего еще никогда на земле не пели, – и от этого из глаз у всех лились невольные слезы.

Саша проснулся в слезах. Солнце сияло прямо в глаза.

Саше стало грустно, – он горько думал, что все люди будут хвалить за такую смерть, и выйдет, как будто для похвал и в огонь пошел. Он лежал и прислушивался к тишине, словно хотелось каких-то утешающих, спокойных звуков. И далекие звуки донеслись до него от земной жизни, – грубые телесные звуки.

IX

И вот в Сашу словно вселился буйный дух, внушавший ему злые, бессмысленные шалости.

То он переставил все часы в доме на час назад, – с обедом опоздали, и отцу пришлось ждать. Лепестинья была смущена. Саша хохотал.

То он приспособил к дверям на веревке кувшин с водою, так что кто отворит дверь, на того плеснет вода.

То он взбирался на крышу сарая и с полуторасаженной высоты прыгал на мягкую землю, в густую траву, пугая Лепестинью и отца.

В шалостях, как и прежде в работе, Саша был неутомим, настойчив и изобретателен. Самые незначительные предметы в его руках становились орудиями для замысловатых, неожиданных предприятий.

Своих шалостей Саша и не думал скрывать: он спешил рассказывать отцу о каждой проказе – и при этом раскаивался и досадовал на себя.

Но тоскливое беспокойство все сильнее томило его, – и он шалил все больше, словно нарочно, с какою-то ему самому не вполне ясною целью. Может быть, хотелось довести отца до того, чтобы рассердился и выразил свой гнев в чем-нибудь сильным, страшном, невыносимом. Но отец только хмурился да побранивал Сашу, полусердито, полунасмешливо.

Иногда Лепестинья усовещивала Сашу. Она говорила:

– Смотри, отбойный, – отец терпит, терпит, да как рассердится, да так-то больно выстегает.

– А и пусть, – спокойно отвечал Саша.

– То-то вот, – говорила Лепестинья, – а станет стегать, завопишь истошным ГОЛОСОМ.

– Ну так что ж? – спрашивал Саша.

– Да ничего, егозенок, – покричишь, да такой же будешь. Ты у отца единец, то-то он тебя и балует. А ты все же свою совесть знай. На-т-ко поди-т-ко, ни стыда, ни страха.

– Что же мне делать? – спрашивал Саша и смутно надеялся, что услышит какое-нибудь решающее, мудрое слово.

А Лепестинья говорила:

Молись: избави нас от лукавого. А то что хорошего: отец молиться не умеет, да и тебя не выучил. Учены очень стали. Отцу книги читаешь, да не те, слышь.

Х

Отца не было дома. Сашанабрал на берегу в подол своей белой блузы ворох камешков и принес их в сад. Там, на берегу, он бросал их плашмя в воду, красиво отскакивали. А здесь он швырял ими вдоль дорожек, в кусты, в густолиственный кленовый шатер, в птиц. Потом бросил один камешек в беседку и попал точно в стекло, – стекло разбилось. Саше полюбился его жидкий звон. Саша побежал к дому и принялся метать камни в окна. Стекла одно за другим разбивались с жидким веселым звуком, похожим на то, как смеются глупые и радостные дети, этот звон забавил Сашу и смешил неудержимо. Весело было смотреть на разбитые стекла, да и то радовало, что он тут хозяйничает, и никто не знает – ни отец, ни Лепестинья. С радостным визгом бегал он по дорожкам. Потом захотелось посмотреть, как это покажется изнутри, – и Саша побежал в дом.

Как всегда, входя в горницы, он затих и перестал визжать, – стены утихомирили. Окна с разбитыми стеклами казались печальными и безобразными. Саша вдруг очнулся, словно его разбудили.

Теперь стало ясно, как бессмысленно и ненужно то, что он сделал. И этот грубый стеклянный звон, – как мог он веселить!

Саша приуныл и, тоскуя, ходил по горницам. В доме было тихо, как всегда, и от этого жутко. Ворожащий стук от маятника разносился гулко по всему дому. Битые стекла валялись на полу, в окнах сияли звездчатые дыры, по стеклам в уцелевших краях вились синеватые трещины. Так было грустно, хоть на белый свет не гляди. А тут еще старая Лепестинья пришла откуда-то, ходила сзади, и ворчала, и подбирала осколки. Ее голос звучал подобно печальному шелесту в камышах над водою.

Саша тоскливо ждал отца. Наконец отец вернулся. Еще снаружи он заметил разбитые стекла и нахмурился.

Саша, весь красный от стыда, говорил, запинаясь:

- Это я побил стекла. Из шалости. Нарочно. Вот, я набрал там, на реке, камешков.

И он подробно рассказал все свое буйство. Его смущенный вид и откровенность тронули отца.

- Как же ты, сынок, так, а? Не годится! - сказал он тихо, взял Сашу за плечи, сам сел на стул, а Сашу поставил между коленями и привычным своим медленным, ясным голосом стал говорить ласково-укоризненные слова, поглаживая рукою длинную рыжую бороду.

Саша плакал. Что отец не сердится, а только говорит недовольным и огорченным голосом, это терзало его сердце. Наконец он стал просить.

- Накажи меня поостроже.

- Как тебя наказать-то? - спросил отец, задумчиво глядя на Сашу.

- Розгами, да побольнее, - сказал Саша и покраснел пуще.

Отец посмотрел на него с удивлением и усмехнулся.

- Право, папа, держал бы ты меня в ежовеньких рукавичках, - говорил Саша, плача и смеясь, - а то уж я так расшалюсь, что и на поди.

Отец промолчал, отпустил Сашу и ушел.

Саше стало как-то неловко, что отец даже ничего ему не ответил. Упрямо захотелось поставить на своем.

"Он все прощает, - думал Саша, - но ведь есть что-нибудь, чего и он не простит. Что не прощается?"

XI

Саша долго придумывал, чем наконец рассердить отца. Жаль было сделать что-нибудь грубое, чем бы отец был слишком опечален. Саша стал беспокоен, тосковал и метался. Все чаще уходил он в поля, один, подальше от дома, словно ждал, что там найдет решение.

Под солнцем он весь загорел, как цыганенок, - и лицо, и руки, и ноги.

Все чувства Сашины особенно изощрились за эти дни. Он и раньше был и чуток и зорок. Ему не случалось заблудиться в лесу или напасть на ложный след: зоркий глаз его знал приметы, чуткий слух доносил до него тишайшие шорохи и шумы из чащи и от жилья, и легчайшие запахи с полей выводили его на единственно верные тропы. Теперь же больше прежнего полюбил он прислушиваться к тишине в полях. Тонкие звуки, неслышные для обычно грубого человеческого слуха, реяли вокруг него, - и он чутко различал их источники: то бегали жучки по былинкам, то легко трескались, раскрываясь, созревшие в траве крохотные плоды. И над этими звуками еще тончайшие носились, неопределенные колебания, - не звуки, а как бы их предчувствия, - то не растут ли травы, не звенят ли подземные струи?

Травы росли, колыхались, тянулись к чему-то бессознательно и неуклонно. Вот скерда, - на сухом песка взошла, и все тянется. Вот шелковисто-серый астрагал с лиловыми цветками лепится на песчаном обрыве. Вот ядовитый вех, томясь на болоте, раскинул свой белый зонтик. Из цветов любее всех стали Саше в эти дни одуванчики, хрупкие да чуткие, как и он. Уже когда созревали их круглые серенькие корзиночки, ему нравилось, лежа в траве, развевать их, не срывая, легким дыханием, и следить за их неторопливым полетом.

В полдень в полях становилось истомно. Полуденные страхи таились за колосьями, прятались в воде за тростниками, дрожали в серых пыльных вихрях по проселкам, неслышными, прозрачными тенями шныряли над землею, - страхи, понятные Саше, но бессильные над ним. Тоска томила его. Тишина чаровала. Невозмутимое на всем просторе в полях было молчание. Знойным воздухом тяжело и безрадостно дышалось.

Иногда Саша уходил в лес. Это был лес величавый и тихий, как опустелый собор. Пахло смолою, как ладаном. Грудь легко дышала. Сумрак между стройными столпообразными соснами обвеивал душу миром. Бестревожно таил лес неведомые дали.

Но ничего не говорила Саше лесная тишина. Саша уходил из леса недовольный, смутный.

XII

Прошло несколько дней. Однажды утром, когда отец сидел у себя над тяжёлым делом, Саша унес из кухни кусок угля и с веселой улыбкой на загорелом лице вошел в гостиную. Там висело на стене, в черной с золотом раме, мамино изображение, увеличенное со светописного снимка. Саша влез на стул и углем начертил по стеклу усы. Посмотрел и засмеялся. Мама молодая, веселая, с намазанными усами, точно мальчик, вздумавший пошалить, – и такая милая, и смешная.

Саша побежал к отцу и со смехом привел его в гостиную. Отец угрюмо смотрел на мамино изображение, – и вдруг Саша увидел маму словно иными глазами: усы грубо обезобразили ее милое, нежное лицо. Шаловливый задор соскочил с Саши. Он раскаялся и заплакал. И все-таки, вместе с раскаянием, в нем ликовала радость. По строгому, неподвижному отцову лицу он понял, что отец недоволен, обижен и, пожалуй, способен круто обойтись. Саша сказал плача:

– Видишь, папа, какой я стал. Высеки меня побольнее, – право, давно пора.

– Давно пора, – задумчиво повторил отец. – Ну что же, – сказал он, беги к березе, наломай для себя розог.

XIII

Отец бросил на пол прутья, поставил Сашу на ноги и слегка прижал его к себе. Саша тотчас же перестал кричать и уже устыдился своих криков. Боль разом смягчилась. Уже не стало ее невыносимого, буйного нарастания. Саша плакал и стыдливо прижимался к отцову плечу.

"Испытал-таки", – торжествуя подумал он, прислушиваясь к жгучим еще болевым ощущениям. Он подумал:

"Проходит боль, – и уже не страшно. Нестерпимая, но проходящая, да она вовсе не страшна", – уже думал Саша.

"А что же я кричал? – спросил он себя и ответил: – Невольно, с непривычки только".

И вот Саша успокоился, перестал шалить. Он испытал и телесные мучения, – но и в них не было побеждающего страха.

XIV

Пришла осень. Начались уроки. В августе и ученики и учителя еще не втянулись в дело, – ученики еле готовили заданное, учителя приходили поздно. Однажды, в свободное время перед уроком, Саша поссорился с Колею Егоровым, задорным шалуном. Началось пустяками. Егоров рассказывал нескольким простодушным мальчуганам, что в пруду на Опалихе нечисто, живет шишига, и парни ее видели, – страшная. Саша вслушался, засмеялся и спросил:

– Шишига? Что за шишига такая?

Егоров ответил неохотно, уже заранее сердясь на то, что Саша не поверит:

– Такая круглая, толстая, вся слизкая, голова у нее, как у жабы.

– Ну вот, – сказал Саша, – тоже веришь. Никакой шишиги нет.

Егоров совсем рассердился, покраснел и запальчиво закричал:

– Как нет, коли Серега Рахинский да Ванька Большой сами видели! Врать они тебе станут!

– Мне-то не станут, а тебе соврали, – спокойно возразил Саша. – Нет шишиги, – повторил он. – Им показалось, может быть, невесть что с перепугу, они и говорят зря.

Сашины возражения лишили Егорова уверенности в шишигу. Но из задора он не мог признать себя неправым, – тихие Сашины слова да спокойные Сашины взгляды все больше его раздражали. Он горячо доказывал, что шишига есть, и от злости готов был начать драку, да боялся ударить Сашу, – знал, что Саша сильнее. Сердито и насмешливо он сказал:

– А увидишь шишигу, сам ужаснешься.

– Чего ужасаться! Да вот и эта стена страшнее шишиги, – ответил Саша, вспоминая, что все на свете одинаково не страшно.

Егоров вспыхнул. Сашины слова показались ему явною издевкою. А Саша словно нарочно дразнил его и сказал со смехом:

– Ах ты, легковёрный, – сам-то ты шишига!

Мальчишки засмеялись. Уже этого Егоров не мог стерпеть. Он вдруг подскочил к Саше и со всего размаху ударил его ладонью по щеке. У Саши зазвенело в ушах; перед глазами запрыгали красные искры и зеленые круги.

"Недаром говорят, – быстро подумал он, – что из глаз искры посыпались".

Он неловко стоял, ошеломленный неожиданным ударом. Было больно и стыдно, и унижение от чужой, хотя и случайной, победы горько чувствовалось. Егоров смотрел торжествуя и злорадно улыбался. Мальчишки сочувствовали, как всегда, победителю и начали было дразнить Сашу.

Вдруг они замолчали и разбежались по местам. На пороге показался учитель, гладко подстриженный рыжий молодой человек. Он услышал издали удар, а теперь увидел двух мальчиков в таких положениях, которые его наметанному взгляду сразу показали, в чем дело. Он спросил у Саши:

– Что это, кораблев? За что он тебя ударил?

Саша молчал и притворно улыбался. На щеке его горели ясные полоски от Колиных пальцев. Товарищи рассказали учителю, как было дело. Учитель, посмеиваясь, сказал:

– Егоров, ты останься сегодня. Надо тебе замечаньице написать в дневничок, чтобы родители приняли меры к твоему исправлению.

Егоров слезливо оправдывался:

– А он зачем меня шишигой назвал! Мне тоже обидно, Василий Григорьевич, – какая же я шишига!

Учитель спокойно возразил:

– А ты рукам воли не давай.

На перемене Егоров то плакал, то жаловался товарищам, что его из-за Кораблева дома высекут, то принимался бранить Сашу, то издевался над ним. Мальчишки дразнили обоих. Но Егорова больше, – уже теперь все же был Сашин верх. Саше было неловко и грустно. Следовало что-то сделать, но что именно? Сам он нисколько не сердился. Хотелось чем-нибудь утешить этого взволнованного, плачущего, сердитого мальчика, – но Саша не знал, чем его можно утешить, и вместе с тем невольно презирал его за эти слезы, за эту робость перед домашнею расправою.

XV

Уроки кончились. Молитву прочитали, ученики шумно расходились. Учитель Василий

Григорьевич опять пришел в класс и потребовал дневник у Егорова. Егоров плакал и медленно вытаскивал дневник. Саша вдруг подошел к учителю и сказал:

- Василий Григорьевич, простите его, ведь я же на него не сержусь.

- Мало ли что не сердисься, драться в училище нельзя, - наставительно ответил учитель.

- Право, простите, - просил Саша, - мы с ним помиримся. Я его сам обидел, шишигой назвал. Простите.

Учитель, посмеиваясь, сказал:

- Плохо просишь.

Ему было приятно, что его просили о прощении. И приятно было видеть, что наказываемый мальчик плачет, и сознавать, что вот какая у него, учителя, власть. Притом же можно было так легко и правдоподобно оправдывать для себя и для других употребление этой ненужной и жестокой власти тем, что это делается для их же пользы.

Саша настойчиво продолжал просить. Уже он и сам знал, как все его товарищи, что учителям нравятся и слезы, и мольбы мальчишек.

- Плохо просишь, - повторил учитель с вялою усмешечкою. - Поклонись пониже, - сказал он усмехаясь, как будто бы шутя.

- Да я хоть в ноги вам поклонюсь, только простите его, - сказал Саша и вдруг покраснел.

- Ну что ж, поклонись, вот тогда и прощу, - ответил учитель.

Он не верил, что Саша станет ему кланяться. И, досадуя на это, уже он стал перелистывать дневник шалуна, отыскивая ту страницу, где следовало написать замечание. Но Саша откинул в сторону свою сумку с книгами и быстро поклонился в ноги учителю, - сперва руками уперся в пыльный пол, потом лбом стукнулся. Ему не было стыдно кланяться, но, подымаясь, он почувствовал, что если учитель все же не простит, то будет уж так досадно. И он настойчиво сказал, глядя на учителя решительными глазами:

- Уж теперь вы его должны простить.

Учитель был удивлен. Неловко посмеиваясь и краснея, он сказал:

- Ну, нечего делать. Обещанное свято.

Он отдал дневник Егорову и сказал:

- Не следовало бы тебя прощать, благодари Кораблева.

Егоров обрадовался. Он глупо улыбался, не зная, как выразить свою радость, и размазывал последние слезы по щекам ладонью. Учитель, смущенно улыбаясь, смотрел на обоих мальчиков и медлил уйти из опустелого класса. В Сашином поступке он чувствовал что-то необычайное и не вполне понимал его. Что это, - товарищеская дружба или просто новая шалость?

Саша был весел и бессознательно доволен собою. Егоров, не успевший еще собрать книг, просил его подождать, - им по дороге, - и ласково смотрел на него. Саша вышел в коридор и ждал там. Учитель подошел к нему и хотел сказать что-нибудь приветливое, да не мог придумать. И он говорил несвязные слова, ласково и неловко.

- Что ж, вы с ним друзья, что так заступаешься, а? - спросил он.

- Друзья, - весело ответил Саша.

- А, друзья, - забияка ведь он? - продолжал учитель тоном вопроса.

- Ничего, - сказал Саша.

- Ну что ж, домой пойдешь, милый? - опять спросил учитель.

- Домой, - так же весело и радостно ответил Саша.

Он улыбаючись смотрел на учителя и ждал от него каких-то добрых и мудрых слов, ждал с простодушною верою, - так как он еще воистину был ребенок и думал, что взрослые знают настоящие добрые и мудрые слова.

А учитель не знал таких слов. И уже совсем больше ничего не придумал он сказать. Он взял Сашу за руку, тихонько пожал ее. Саша смутился, покраснелся. Учитель неловко отвернулся и отошел в сторону.

И вдруг веселость словно соскочила с Саши. Он почувствовал в душе своей ту же неловкость, как будто заразился ею от учителя. В мыслях и настроениях его опять началась смута.

XVI

Вместе с Егоровым шел Саша по тихим городским улицам домой. Егоров благодарил Сашу искренно и весело.

- Распреотличную бы мне дома порку задали, - говорил он, с уважением глядя на Сашу.

Саше от этого еще томительнее становилось. Егоров все посматривал на него сбоку, словно хотел что-то сказать, да не решался. И Саша понемногу стал ждать, что Егоров сделает что-то настоящее, должное. Наконец Егоров надумался и вдруг спросил:

- Хочешь, я тебе тоже поклонюсь в ноги?

- Не надо, смущенно сказал Саша.

- А то поклонюсь, продолжал Егоров, словно торопясь отдать долг. - Хоть сейчас, на улице, право! а?

- Ну вот, говорю, не надо, - досадливо повторил Саша.

Егоров словно успокоился.

- Ну ладно, - сказал он по-прежнему весело, - я тебе заслужу чем-нибудь. Ты только скажи.

"Вот, - думал Саша, - я кланялся, молил для того, чтобы у него кожа целая осталась, а он меня побережет при случае. И мне же от всего этого польза: учитель похвалил, Егоров стал другом".

И мучило это Сашу, - это корыстный его подвиг.

Какая грусть! Какие во всем невозможности!

Вот в огороде, мимо которого они проходили, молочай-солнцегляды напрасно тянулись к солнцу, - они были малы и слабы, их подавляли глупые, клонящиеся к земле ромашки.

XVII

В грустном Саша сидел раздумье под серую ольху на скамеечке, внизу сада, над самую рекою. За день он набегался, был шумно весел и утомился. Длинные ресницы бросали печальную тень на загорелые Сашины щеки.

Вечер мирно догорал. За рекою лежали тихие дали. Большие босые мальчики, как всегда по вечерам, пришли на пустой песчаный берег играть в рюхи и подымать легкую сизую пыль длинными палками.

Здесь, в саду, был дикий, нетронутый уголок. У воды цвела зеленовато-белая

Земле земное. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
развесистая гречиха. Горицвет раскидывал белые полужонтики, и от них к вечеру запахло слабо и нежно. В кустарниках таились ярко-лазоревые колокольчики, безуханные, безмолвные. Дурман высоко подымал крупные белые цветы, надменные, некрасивые, тяжелые. Там, где было сырее, изгибался твердым стеблем паслен с ярко-красными продолговатыми ягодами. Но эти плоды, никому не нужные, и эти поздние цветы не радовали глаз. Усталая природа клонилась к увяданию. Саша чувствовал, что все умрет, что все равно-ненужно и что так это и должно быть. Покорная грусть овладела его мыслями. Он думал:

"Устанешь - спать хочешь; а жить устанешь - умереть захочешь. Вот и ольха устанет стоять, да и свалится".

И явственно пробуждалось в его душевной глубине то истинно земное, что роднило его с прахом, и от чего страх не имел над ним власти.

Кто-то запел. В тихом воздухе печально звучала заунывная песня. За рекою раздавались эти протяжные звуки, - словно кто-то звал, и печалил, и, лишая воли, требовал чего-то необычайного.

Но неужели суждено человеку не узнать здесь правды? Где-то есть правда, - к чему-то идет все, что есть в мире. И мы идем, - и все проходит, - и мы вечно хотим того, чего нет.

Или надо уйти из жизни, чтобы узнать? Но как и что узнают отшедшие от жизни?

Но, что бы там ни было, как хорошо, что есть она, смерть-освободительница!

И засмеялся Саша на воду, и думал:

"Если упасть? утонуть? Страшно ли будет тонуть?"

Вода тянула его к себе влажным, пустым запахом. Нисколько не было страшно, и равнодушно думал Саша о возможности смерти. Все равно уже не стало своей воли, и он пойдет, куда устремит его первое впечатление.

Он недвижно смотрел перед собою. Лепестинья подошла сзади. Она глядела на него суровыми глазами. Тихо и сурово сказала она, качая дряхлую голову:

- Что смотришь? Куда смотришь? Опять к ней засматриваешь?

И она пошла мимо, уже не глядела на Сашу, и не жалела его, и не звала. Безучастная, суровая, проходила она мимо.

Легкий холод обвеял Сашу. Весь дрожа, томимый таинственным страхом, он встал и пошел за Лепестиньей, - к жизни земной пошел он, в путь истомный и смертный.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!